

**Дмитрий СВИНЦОВ,
Вениамин СЛЕПКОВ**

г. Петрозаводск

ДМИТРИЙ СВИНЦОВ:

«Будущее за теми, кто идет против течения»

Говорят, талантливый человек талантлив во всем. Художник вдруг пишет замечательный роман, рок-музыкант блестяще играет в кино, писатель исполняет со сцены хиты собственного сочинения. Я всегда помню о петрозаводском примере такого многогранного таланта. Дмитрий Германович Свинцов – журналист, поэт, переводчик, театральный критик. Благодаря ему и я пришел в журналистику, когда много лет назад он разглядел в начинающем авторе рассказов и юморесок способности репортера. Отношусь к нему очень тепло и не берусь судить, насколько личная симпатия влияет на объективность оценки. Мне думается, Свинцов интересен во всех творческих проявлениях. В оценке своего творчества и творчества других.

Наш разговор проходит не формально, не официально, а потому обращаюсь к нему по-дружески. Митя – так зовут его старинные друзья и коллеги. Однажды, будучи журналистом с именем, автором нескольких книг стихов, он подготовил материал о творчестве «митьков» и подписался: Митек Свинцов.

Мы беседуем в Доме актера Союза театральных деятелей Карелии. И подобно актеру, он предстает в разных ролях. Вот некоторые из них.

Нахимовец

– Митя, наверное, трудно переоценить роль родителей в становлении любой творческой личности. Твой папа был известным врачом, маме ты посвятил пронзительные строки в своих стихах. Насколько большое влияние родители оказали на становление твоей личности, на формирование интересов?

– Конечно, в первую очередь большое влияние оказала мама, потому что папа был хоть и врач, но военный человек. Я не хочу сказать, что армия делает людей менее интересными, но все равно она, на мой взгляд, немного засушивает человека.

Хотя много литераторов, ху-

дожников вышло из армейской, из морской среды. Как правило, армия воспитывает дисциплину, но часто выталкивает из своей среды творческих людей. По большому счету, армия и творчество не очень совместимы. Творческий человек всегда свободен, всегда бунтарь, если громко сказать. Потому что всегда создает собственный мир, создает собственные правила поведения в этом мире. Он всегда стоит против. Само творчество предполагает, что, создавая новый мир, художник противоборствует миру внешнему.

Папа был железный, жесткий человек, старался держать меня в узде. Мама была воспитана на литературе, обе ее тетки были учителями словесности, одна в Костромской губернии, вторая – в Ленинграде.

Наверное, больше сказало влияние мамы. Но желание попробовать себя в творчестве стало создаваться, вложилось в меня в Нахимовском училище, потому что сам Ленинград дает пищу для развития творчества.

– Чья инициатива была поступить в Нахимовское училище?

– Папина. Папа вырос в семье сельского учителя и агронома, окончил Военное медицинское училище имени Щорса и Военно-медицинскую академию имени Кирова. Прошел войну, сам зарабатывал кусок хлеба. Армия гарантировала этот хлеб: обмундирование, обучение, паек – человек полностью был на государственном обеспечении.

Определенный толчок дала литература – мне много читали морские произведения Станюковича, Гончарова, и я, достаточно сухопутный ребенок, тя-

готел к морю, строил корабли, вырезал их из дерева, лепил. Так в одиннадцать лет я стал нахимовцем.

Нахимовское училище, на мой взгляд, одно из лучших учебных заведений в стране. Во всяком случае, так было в мое время. Оно дало мне знание английского языка. Сам язык – 14 часов в неделю, география на английском, военный перевод на английском, это очень хорошая база.

Уроки истории проходили в артиллерийском музее или в музее Суворова. Если мы изучали литературу, то ходили в театр, например, смотрели «Горе от ума» – знаменитый спектакль Товстоногова с Юрским в роли Чацкого. У нас были ежегодные абонементы в Мариинку на балет, нас водили в Русский музей, в Эрмитаж.

Я не говорю о других предметах. Сильной была физическая подготовка, ежегодно проходили спартакиады Нахимовского и Суворовского училищ, я сам играл в баскетбол, в футбол. У нас преподавали известные спортсмены, например, Станислав Гельчинский, который потом тренировал женскую сборную СССР по баскетболу, Владимир Кондрашин, чья сборная по баскетболу выиграла Мюнхенскую Олимпиаду в 1972 году.

То же касается и других дисциплин. Очень благодарен преподавательнице русского языка и литературы Наталье Владимировне Дубровиной. Она имела отношение к кругу ленинградских поэтов, в том числе к Иосифу Бродскому. Несмотря на жесткие цензурные условия, которые тогда существовали, она ухитрялась доносить до нас живое поэтическое слово, рассказывала даже о тех поэтах, которые были тогда запрещены, во-

дила нас на встречи с поэтами. Так я увидел Бродского, Высоцкого и других, хотя тогда, мальчишкой, конечно, не осознавал высоты этого уровня. Тогда это были мальчишеские впечатления на уровне восторгов: «Ах! Ох!» Она пробудила интерес к поэзии, и я стал пытаться писать стихи. Потом стал серьезно пробовать переводить с английского языка, литература захватывала.

После окончания Нахимовского училища я поступил на штурманский факультет Высшего военно-морского командного училища им. Фрунзе. Это одно из старейших училищ, когда-то в царское время там был знаменитый Шляхетский корпус. Я стал учиться, но тогда почувствовал, как возникают внутренние противоречия, творчество не могло ужиться с дисциплиной.

Папа очень хотел, чтобы я поступил в Военно-медицинскую академию им. Кирова, продолжил его дело, но к этому тоже не лежала душа, я ушел из училища. Попал на флот, отслужил и вернулся домой, где поступил в Карельский государственный педагогический институт.

– Я знаю, что английский политик пророчил тебе будущее адмирала.

– Нахимовское училище находится неподалеку от крейсера «Аврора», а на «Аврору» в то время часто приезжали высокопоставленные делегации. У меня было несколько памятных встреч, например, с Гагариным, мы на «Авроре» проводили экскурсии, в том числе на английском языке.

В этом была своя уникальность – такие малыши, в форме, ведут экскурсии. Это было красиво – вот, мол, наше буду-

щее. Вспоминаю, когда на параде в Москве мы проходили в торжественном марше мимо Мавзолея, маленькие, стриженные, – на трибунах было такое оживление! Когда после окончания первой четверти в пятом классе я приехал домой, шел с папой по улице, в бескозырке, подтянутый, метр тридцать девять ростом – на меня весь Петрозаводск смотрел с умилением. Меня даже пригласили в качестве почетного гостя в 17-ю школу, чтоб я выступил на каком-то мероприятии.

Однажды в Ленинград приехал лидер лейбористской партии Великобритании Гарольд Вильсон, тогда он уже не был премьер-министром. Так получилось, что экскурсию на «Авороре» вел я.

Он, как вежливый человек, прощаясь, сказал мне (*в шутку, наверное*):

– I wish you to be an admiral (*Желаю вам быть адмиралом*)!

Я не очень боек на язык, но тогда нашелся:

– I wish you to be a prime-minister (*Желаю вам быть премьер-министром*)!

Он больше не стал премьер-министром, а я не стал адмиралом.

– **А как ты попал под английскую бомбежку?**

– У нас были учебные плаванья, мы ходили на кораблях или Балтийского, или Черноморского флотов. В 1970 году советский флот только-только стал ходить в Средиземном море, до этого море было закупорено для нас, там стоял 6-й американский флот. Шло учебное плавание по Средиземному морю. Со стороны Гибралтара летели английские самолеты. Англичанам, наверное, хотелось проверить на крепость советских моряков, и они стали скидывать металли-

ческие чушки. Нас загнали в трюмы, но я помню вой падающих чушек, их страшный стук о палубу, в трюме же звук раздастся так, будто в пустой бочке. Мы не знали, бомбы это или муляжи.

– **Вы боялись?**

– Конечно, боялись!

Журналист

– **Стихи ты начал писать в детстве, а когда занялся журналистикой?**

– Позже. Мой крестный отец в журналистике – Юрий Шлейкин. Я оканчивал институт, писал стихи, но еще не публиковал их. На Октябрьском проспекте в Петрозаводске тогда существовало кафе «Молодежное». Комсомол устраивал там молодежные вечера, это было модно, собирались молодые поэты, музыканты, художники. Там я встретился со Шлейкиным, который работал заместителем редактора газеты «Комсомолец». Я читал стихи, он подошел, взял два стихотворения, их опубликовали. Когда я пришел благодарить, мне предложили поработать в газете, в общем, ситуация, похожая на ту, с которой столкнулся и ты, когда ко мне пришел, помнишь?

Я стал заведующим отделом спортивно-массовой работы, потом заместителем редактора и занимался вопросами культуры. Это как-то само собой произошло, просто стал много писать о театре, о литературе. Вышла первая книжка стихов, на троих – Александр Гусаков, Алексей Ливанов и я. Она так и называлась – «Трилистник».

В 1985 году многое стало меняться. В партийную газету пришел новый редактор Анато-

лий Иванович Штыков и пригласил на работу в «Ленинскую правду». Тогда я был на распутье, Дмитрий Яковлевич Гусаров звал меня работать в журнал «Север», но я не очень хотел идти в журнал. Мне не хватало бы там какого-то ритма, газетной суеты, позволяющей всегда ощущать себя в гуще жизни. Я отказался от предложения идти в «Север», хотя разные серьезные люди упрекали меня: «Дмитрий, журналистика съест ваше творчество».

В 85-м году я пришел в «Ленинскую правду» и стал самым молодым заведующим отделом, возглавил отдел культуры. Ну, а потом ты все знаешь...

– **Да, в том же году я начал приносить в редакцию первые рассказы и заметки. Если говорить о твоём журналистском творчестве, я читаю тебя больше двадцати лет и вижу некоторые перемены. Ты писал о культуре и всегда поддерживал среди художников, театралов, литераторов какие-то новые направления, нестандартные подходы, авангард, а не тупой соцреализм. А потом несколько изменил этот подход, стал более терпимым. Почему это произошло?**

– Может быть, это связано с возрастом. Молодости всегда присущи новизна, поиск, и потом, ты сам знаешь, насколько тяжела была ситуация в творчестве, все надо было цензурировать. Конечно, мне хотелось поддержать каждое новое слово, даже если это шло вразрез с моими творческими принципами. Приведу пример, запавший мне в душу. Когда к великому композитору Глазунову привели молодого Шостаковича и тот играл, Глазунов пошел

выбивать паек для Шостаковича. Его спросили, нравится ли ему его музыка, Глазунов ответил: «Абсолютно не нравится, но за ним будущее». Мне всегда казалось, что будущее за теми, кто идет против течения.

А с возрастом человек меняется. Мне стали нравиться более спокойные вещи. И сейчас я не могу сказать, что социалистический реализм – это очень плохо. Просто с самого начала его в большой степени испоганили и оболванили.

В моей практике было время, когда я учился в высшей партийной школе в Ленинграде, там были курсы и для журналистов. Помню, как сдавал экзамен первый секретарь не скажу какого обкома партии. Ему достался вопрос о материи и сознании. Он посидел, а потом уточнил: «А что имеется в виду под материей – сатин, шелк?» Тем не менее получил пятерку.

На занятиях в партшколе мы пытались выяснить, что такое соцреализм. Но это понять невозможно. Предполагалось по умолчанию, что художник должен изображать жизнь такой, какой она должна быть. Самый яркий пример – фильм «Кубанские казаки», снятый в голодающей стране.

Но проходит время, и соцреализм, ярким представителем которого является, например, в изобразительном искусстве художник Лактионов, на Западе пользуется огромным успехом. Между прочим, самые дорогие художники на западных аукционах – наши реалисты Шишкин, Репин, Айвазовский...

– Ну, Айвазовский, скорее, романтик.

– Хорошо, а Репин? Другое дело, что без поиска, без ново-

го слова, без авангарда искусство дальше просто не двигается, это доказали русские авангардисты. Невозможно рассматривать искусство в отрыве от социума, в который оно погружено. Авангард ведь тоже возник не на голом месте. Произошел социальный катаклизм, который вызвал к жизни новое искусство.

Согласись, когда очень много официального искусства, появляется протест. Во Франции было много официального искусства – возник импрессионизм. Важно движение, постоянный поиск. Движение все, конечная цель – ничто. Я думаю, ты и сам это по себе знаешь, что, когда ты пишешь, тебе это состояние доставляет муки, но больше – душевной полноты. А результат часто трудно оценить – сам не знаешь, что натворил, но получаешь удовольствие в творческих муках.

– Митя, ты писал не только о культуре. Меня один вопрос мучает. Помнишь, с каким воодушевлением мы принимали перестроечные годы, строили новый мир, приветствовали рынок, который, как нам говорили, может создать счастливую жизнь. А в последнее время многие деятели культуры говорят о раскаянии, вроде старались сделать как лучше, приветствуя перемены, а получили жуткие условия, расслоение общества, потеряли духовность и получили жесткий капитализм с его извращенными отношениями между людьми. У тебя не возникает впечатления, что у нас украли страну, а мы в этом помогли?

– В 1917 году люди свято верили, что они строят новый мир. В том числе и такие тита-

ны, как Мейерхольд, Маяковский, приветствовали революцию. Горький приветствовал революцию, но потом он увидел, что происходит, и остановился.

Благими намерениями вымощена дорога в ад. То, что мы прошли, то, что мы видим, оказалось отличным от наших представлений. Надо ли нас судить за это строго? Мы не специалисты в политике, в экономике рынка, мы более эмоциональны. И у нас, как у многих в те годы, был революционный порыв. Не возьмусь говорить о потере страны, но многие вещи, которые видишь ты и вижу я, говорят о том, что ничего хорошего мы не создали.

В свое время еще в «Ленинской правде» я писал материал, который на удивление прошел. В советское время много говорилось о том, что надо стирать черту между городом и деревней, и это благополучно произошло. Я писал о том, что из деревни пришел люмпен. И сельская масса задавила то, что было в городе интеллигентного. Люмпен принес свою культуру, которая и сейчас доминирует. Когда я написал этот материал, Анатолий Иванович Штыков колебался, но все-таки поставил его. Материал вышел, ко мне пришел ныне покойный писатель Виктор Иванович Пулькин, жал руку и говорил: «Дима, как правильно то, что вы написали!» Хотя, мне кажется, я не открыл каких-то Америк, все это лежало на поверхности.

– По тем временам это был очень смелый материал...

– Да, ты это время застал. Сейчас молодому человеку не объяснить, что такое цензура, смело – не смело, можно или нельзя, сейчас можно ставить все. Другое дело, философ Ор-

тега-и-Гассет, как настоящий пророк, все это предвидел, когда писал в 1930-е годы «Восстание масс».

– Ты не разочаровался в профессии?

– Нет. Мне, как и тебе, повезло на встречи в журналистике. Когда было тошно, меня спасали люди. Я очень любил писать о людях, это всегда – другой мир, другой строй чувств и дум, эти встречи не давали повода разочароваться в профессии. Даже сейчас, когда многое решают деньги, мы видим, что хорошие образцы журналистики все-таки остаются. Мы можем говорить о том, что Гиляровский был на содержании у московского купечества, но, тем не менее, до сих пор читаем его.

Поэт и переводчик

– У тебя вышло три сборника стихов и поэм, очень успешных, они хорошо принимались. Ты знаешь мое отношение к твоим стихам, там замечательные рифмы, интересные образы, почти в каждом стихотворении присутствует своя внутренняя мелодия. Ты состоялся как поэт?

– Венечка, если б я сказал, что состоялся, это было бы смешно. Поэтому я в свое время написал в газете «Петрозаводск», где мы с тобой работали, что мы все-таки литераторы средней руки. Когда ты знаешь, что в твоей стране жили Пастернак, Мандельштам, Тарковский, Самойлов, понимаешь, что Бог не дал тебе таланта встать на один уровень с ними. Конечно, всегда к ним тянешься, устанавливаешь для себя высокую планку. Я старался тянуться, что-то получилось, что-

то нет, но мне хотелось быть честным перед собой.

Многие считают, что я состоялся. Но мне кажется, это не так, надо все время быть в поиске, надо стремиться, иначе, если ты уже состоялся, значит, ты умер.

– Помнишь, несколько лет, когда я тебя встречал, постоянно спрашивал: «Митя, почему ты перестал писать стихи?», а ты отшучивался: «За них не платят». А потом однажды пришел и читал новые замечательные строки, показал большую подборку переводов французского поэта Бориса Виана, недавно вышел фотоальбом «Петрозаводск. Самый красивый город Русского Севера» Владимира Ларионова, в который вошли твои стихи. Все-таки продолжаешь ли ты поэтическое творчество?

– Конечно, «за стихи не платят» – это отговорка. Если ты пишешь стихи, не можешь не писать, то не думаешь о том, заплатят тебе за них или нет. Правда, такое рискованное заявление-отговорку я однажды сделал в одной из газет, которая проводила опрос деятелей культуры. Мне звонили знакомые и возмущенно говорили о том, что поэт не может делать такие заявления.

– Не сомневаюсь, что эта отговорка была просто ответом на ситуацию, когда культура в государстве оказалась отброшенной на задворки. Это мы видим и сейчас. В проекте «Имя России», в котором якобы россияне выбирали исторические личности, наиболее ярко представляющие нашу страну. В первую тройку этого явно заказного проекта не вошел

даже Пушкин, не говоря уже о Толстом, Чайковском, Репине, Достоевском. Но, Митя, в трудные годы поэтов часто спасала переводческая деятельность. Ты тоже многое сделал на этой ниве.

– Я всегда тянулся к переводам. Когда я учился на факультете иностранных языков, мой декан Мейми Севандер дала мне переводить Лонгфелло. Диплом защищал по «Цветам зла» Бодлера. Сам перевел шесть его стихотворений, и тогда мне впервые пришлось столкнуться с тем, что такое перевод. Пришлось отвечать на серьезные вопросы, например, в каких пределах переводчик может себе позволить вольность. Перевод – это очень хорошая школа формы, которая учит держать себя в руках, искать рифму, ритм.

Моя покойная преподавательница на инязе Наталья Николаевна Мельникова, блестящий знаток французского языка, попросила меня однажды перевести знаменитую песню Бориса Виана «Дезертир» специально к вечеру, в котором участвовали французы. Это был 1975 год. Можно считать, что тогда началась моя серьезная переводческая деятельность.

Мне довелось переводить не только с английского и французского, но и с финского языка. Любопытно, я всегда был как бы вне карельской тематики. Мнение о том, что поэт, живущий в Карелии, должен писать только о ней, считаю некоторым предрассудком. Мне всегда казалось, что это сужает творчество, обедняет человека. Как говорил английский поэт и художник Уильям Блейк, можно и со своего двора увидеть Вселенную.

Когда готовилась к выходу

моя третья книга стихов, в издательстве сочли, что не хватает карельской темы. Я был знаком с известным нашим поэтом и писателем Яковом Васильевичем Ругоевым, еще когда я работал в «Ленинской правде», мы с ним делали немало материалов о защите карельских сел и языка, он мне давал рекомендацию в Союз писателей СССР. Я рассказал ему о ситуации, и он предложил перевести несколько его стихотворений. Не знаю, насколько они хороши, но я получил лестную оценку от прозаика и переводчика Станислава Панкратова: «Удивительно, как такой возвышенный, романтический Свинцов перевел такого земного поэта, как Ругоев!» Эти переводы принял и Яков Васильевич, хотя были у нас и споры в процессе работы, я ему очень благодарен за поддержку. Позже пришлось переводить и стихотворения других карельских поэтов, пишущих на финском языке.

Если говорить о недавнем времени, я взялся за переводы французского писателя Бориса Виана, который не очень известен нашему читателю как поэт и шансонье. А с английского перевел пьесу знаменитого американского актера и прозаика Стива Мартина «Пикассо в «Ловком кролике»». «Ловкий кролик» – кабачок на Монмартре в Париже, существовавший в начале прошлого века. Пьеса для интеллектуалов, в ней часто используется игра слов, описывается предполагаемая встреча Пикассо и Эйнштейна в 1902 году.

Переводы Бориса Виана размещены на сайте, посвященном его творчеству, в Интернете, пьеса Стива Мартина, возможно, войдет в репертуар одного из российских театров.

За эту работу я не получил

никаких денег, зато мне это доставляло удовольствие и наслаждение.

Человек театра

– Так мы перешли к твоей театральной деятельности. На мой взгляд, ты состоялся и как журналист, и как поэт. Помнишь, в газете «Петрозаводск» мы всегда говорили о тебе: член трех творческих союзов. Третий союз – Союз театральных деятелей России. Я хочу тебя спросить, почему же ты все-таки сделал этот выбор? Ты не занимаешься активно журналистикой, хотя и пишешь для газет и журналов. Не занимаешься повседневно активно творчеством, хотя публикуешь свои стихи и переводы. Но зато ежедневной твоей работой стал театр. Почему?

– Я много писал о театре, работая в газетах. В 1999 году Национальный театр поставил спектакль «Осень и зима» по пьесе шведского драматурга Ларса Нурена. Вспомни то время – почти все актеры театра уехали в Финляндию, здесь остались только пять-шесть человек. По сути, театр лежал в развалинах.

Так сложилось, что к Национальному, а ранее он назывался Финским, театру у меня всегда было равнодушное отношение. Мой отец лечил актеров театра еще в 1960-е годы, я их всех знал с детства. Семья моего отца и семья Орво Бьернинена дружили. Я мальчишкой бывал дома у Вилье Ахвонен, Елизаветы Томберг.

Посмотрев спектакль «Осень и зима», я написал, что, на мой взгляд, этой постановкой театр заявил о желании вернуться к

себе, к своим истокам. Получился психологический спектакль, какие и были свойственны театру прежде.

Этот материал заметил тогдашний директор театра Арвид Зеланд и предложил мне работу в театре. Я стал помощником, затем – заместителем директора, ведущим менеджером театра. Необходимо было создавать новый имидж театра, чем я и занялся.

– Может быть, то, чем ты занимался в последнее время, можно назвать public relations, но это не театральная критика, которой ты отдал многие годы.

– Да, это так. На тот момент я был членом правления Союза театральных деятелей, членом жюри республиканской театральной премии «Онежская маска». Одна из коллег прямо сказала, что Свинцов не имеет права писать о театрах, поскольку теперь, работая в одном из них, не может быть объективным.

Моя учительница в театральной критике Елена Иосифовна Гарфункель – известный петербургский критик, профессор Санкт-Петербургской академии театрального искусства – говорила: вы работаете в театре, а значит, не можете писать положительных рецензий на постановки своего театра, критических рецензий на спектакли других театров. Я с ней согласен, а потому в силу обстоятельств почти десяток лет не пишу критических театральных рецензий. Думаю, это правильное решение.

– А я так не думаю. Твои рецензии очень часто вызвали споры, знаю, что было много недовольных в театральной среде, поскольку ты

не шел на компромиссы. Твои тексты было интересно читать.

– Их и писать было интересно. Был другой театр. В те годы, когда мы работали в «Петрозаводске», существовал театр, с которым интересно спорить, а к этому времени настали не лучшие времена. Журналисты Исаак Бацер и Всеволод Иванов учили меня, что никогда не нужно продаваться. Пиши то, что считаешь нужным, даже если кому-то это не нравится. Но сейчас, на мой взгляд, нет достойного противника для Свинцова – театрального критика.

С другой стороны, хотя мои рецензии и вызвали обиду и раздражение, но пользовались успехом в режиссерско-актерской среде. Наш режиссер-патриарх Иван Петров не раз высказывал сожаление о том, что я перестал писать критику.

Но сейчас мне всегда приходится помнить: напишешь критически об актере, а он обидится! Как потом работать вместе

или отражать обвинения в необъективности?

– Митя, ты не жалеешь, что ушел из журналистики?

– Поэт Булат Окуджава сказал: «Журналистика хорошее дело, но из нее нужно вовремя уходить». Хотя в душе я журналист, поскольку очень импульсивно откликаюсь на какие-то события и иногда в себе журналиста давлю.

– Когда ты так хитро улыбаешься, как сейчас, у меня, прости, возникают сомнения в твоей искренности. Помню одну байку от известного журналиста Михаила Садчикова, который однажды брал интервью у нашей звезды Аллы Пугачевой. Та ответила на все вопросы и, когда журналист уже стоял на пороге, прощаясь, спросила: «Хотите, сейчас дам совершенно другие ответы?» Ты, если я начну спрашивать снова, ответишь так же, как отвечал?

– Я тебе отвечу аналогичной историей. Был такой замечательный писатель Всеволод Иванов, который переписывал автобиографию пять раз, и каждый раз в ней были совершенно иные факты. Его спрашивали, почему он пишет так, он отвечал: «А иначе мне неинтересно!»

Конечно, когда ты говоришь с творческим человеком, он начинает что-то придумывать, попадает в какой-то творческий процесс... Нет, но в целом-то я правдив! Мы с тобой журналисты, привыкли, чтоб фактура была выверенная, правильная.

При оформлении использованы фото С. Мастермана

СВИНЦОВ Дмитрий Германович

родился в 1952 году.

Окончил Карельский государственный педагогический институт.

Стихотворения публиковались во многих российских журналах, сборниках, антологиях.

Автор книг «Окна настезь», «Петровская набережная», «Портрет с часами».

Перевел с французского и финского на русский язык стихотворения Ш. Бодлера, Ж. Кокто, Ж. Превера, Б. Виана, Я. Ругоева, Т. Флинка.

Член Союза писателей России, Союза журналистов России,

Союза театральных деятелей России.

В «Севере» публикуется с 1977 года.

Дмитрий СВИНЦОВ**Старая фотография**

В платьице ситцевом.
 В кителе старом.
 Перед фотографом мудрым предстали
 мама с отцом. Молодые совсем.
 Ей двадцать два.
 Ему двадцать семь.

Первые годы после войны.
 Скулы обтянуты. Души видны.
 Время хранит этот снимок в архиве.
 Снимки — не люди: многие живы.

В каждой семье дорог снимок один —
 тот, на котором им жить, молодым:
 в стареньком кителе, в платье из ситца.
 Время, в которое не возвратиться.

Этим утром

Твои волосы вороша,
 слышу голос,
 не свой как будто —
 как божественно хороша
 ты, любимая, этим утром!

Этим утром, когда в кустах
 первых птиц очертанья зыбки,
 сон лежит на твоих устах
 и качает твою улыбку.

Этим утром твои глаза
 голубые не знают горя.
 Начинается жизнь с аза.
 И пора расставаться с морем,

с домом,
 где, как в раю греша,
 поднимались над сплетней пошлой,
 где, божественно хороша,
 ты не знала, что делать с прошлым.

Мои печали*(Из Якова Ругоева)*

Мои печали неба голубее.
 Зеленый цвет у счастья.
 Чуть темнее
 цвет горя —
 как у скошенной травы.
 Но в торжестве —
 державность синевы.

Мои надежды цвет лелеют красный.
 Хоть ветер по судьбе прошел ненастный,
 мои мечты — как утро среди листвы,
 как солнце это рыжее — прекрасны.

Косточка сухояловая

Сухояловой косточкой
 через множество лет
 перед сыном иль дочкою
 я предстану на свет.

Тело выточат,
 вымоют
 годы или вода —
 ну а косточку вымолю,
 чтоб вернуться сюда,

услышать соловьиную
 стукотню и юлу,
 жизнь свою половинную
 расплескать по крылу.

Мне бы воздуха вашего
 самый малый глоток —
 за эпоху,
 попавшую
 прямо в лагерный блок.

Пусть весна меня вытянет
 клейкой почкой из мглы.
 Без оркестров,
 без имени
 встану я из земли.

